

Амина Волкова • Ада Огнева

ИЗМЕНА МУЖА.

Ты отдал мой бизнес

Любовнице!

Ада Огнева

**Измена мужа. Ты отдал
мой бизнес любовнице!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Измена мужа. Ты отдал мой бизнес любовнице! / А. Огнева —
«Автор», «Автор», 2026

Пятнадцать лет я строила бизнес, который муж считал своим. А однажды Валерий при всех назвал меня прислугой, лишил доли и посадил в моё кресло молодую любовницу. Дома ждал следующий удар: нашу четырнадцатилетнюю дочь он убедил, что предательница именно я. Без работы, денег и поддержки я начала заново — с холодного склада, сломанного погрузчика и горстки уволенных сотрудников. Тогда мой главный конкурент, Максим Градов, предложил союз. У него есть деньги, опасный план и документы, способные разрушить империю бывшего. Но я больше не стану ничьим удобным инструментом. Сумею ли я вернуть дочь, победить предателя и довериться мужчине, который привык покупать чужие победы?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Амина Волкова

Измена мужа. Ты отдал мой бизнес любовнице!

Глава 1

В переговорной ещё не выветрилась краска. Ремонт затеяли после того, как мы запустили новую логистическую цепочку на три месяца раньше срока, и я сама выбрала этот светлый оттенок стен: хоть в комнате без окон будет легче дышать. Сегодня от него мутило. Кофе уже разлили; моей чашки перед креслом не оказалось.

Кресло во главе стола сдвинули в сторону. Пришлось подвинуться вместе с ним, чтобы видеть экран. Валерий устроился напротив и расправил манжеты серо-голубой рубашки. Три года назад я уверяла его в магазине, что в ней он выглядит солиднее, чем в чёрной. Как же старательно я собирала этого человека для встреч с инвесторами. Он даже сейчас проверил пуговицу на рукаве, прежде чем посмотреть на меня.

— Коллеги, мы переходим к повестке дня, — начал Валерий. Я узнала его голос для важных гостей: пониже обычного, с паузами. Так он говорил, когда заранее получал согласие всех присутствующих и оставалось только объявить решение.

Я протянула руку к секретарю, Лене, которая обычно клала передо мной папку с подписями за пять минут до начала. Папки не было. Лена отвела глаза, ее пальцы мелко дрожали над клавиатурой ноутбука.

— Валерий Сергеевич просил не передавать документы по операционному отделу, — прошептала она. Последнее слово я почти не расслышала. Я посмотрела через стол на Валерия: он видел, что мы разговариваем, и даже не попытался это пресечь.

Отодвинув кресло, я подошла к Лене. Распечатки лежали под её локтем; она прижала их крепче, но я взялась за край стопки и подождала. Лена отпустила бумагу. Возвращаясь к столу, я уже нашла нужную страницу. Говорить без цифр, чтобы потом услышать «Марина опять устроила истерику», я ему не позволю.

— Если ты хочешь говорить о цифрах, давай говорить о цифрах, — бросила я, не глядя на Валерия, листая отчет. — Твой прогноз по оборачиваемости складов завышен на двенадцать процентов. Ты игнорируешь сезонность поставок в южном регионе. Это не реструктуризация, Валь, это самообман.

Валерий усмехнулся и переглянулся с юристом. Они оба слышали про двенадцать процентов. Ни один не попросил показать расчёт. Мне заранее отвели роль женщины, которая мешает взрослым людям заниматься делом.

— Мари-на, — произнёс он, выдержав маленькую паузу между слогами. Знакомое обращение; дома после него обычно следовало «не начинай». — Мы здесь не для того, чтобы обсуждать твои микроменеджментские тараканы. Мы здесь, чтобы обсудить будущее компании. А твое будущее... оно больше не связано с настоящим.

Он щелкнул пультом. На экране появилась схема: новая оргструктура. Где мое имя было заменено словом «консультант». Без права голоса. Без доли.

— Ты всегда была отличным сервисом, Марин, — продолжил он, глядя прямо в мои глаза. Он выдерживал мой взгляд. Я знала, что должен бы смутиться, хотя бы отвести глаза, но ему даже это не понадобилось. — Ты обслуживала интересы акционеров. Ты обслуживала меня. Но сервис должен меняться. Сейчас нам нужен партнер, а не прислуга.

Меня замутило, пришлось сглотнуть. «Прислуга». Он произнёс это перед людьми, которым я пятнадцать лет разруливала сорванные поставки и выбивала премии. Кто-то из них сейчас смотрел в стол. Кто-то — на экран, где моё имя уже убрали из схемы. Я хотела спросить, кто отвечал клиентам в три ночи, пока Валерий спал. Но ответ они прекрасно знали.

— Это законно, — сказал юрист компании, седой мужчина с дрожащими руками. Он придвинул ко мне новый устав. — Подпись здесь, Марина Александровна. Доля переходит к основному учредителю. Вы выходите из состава директоров добровольно.

— Добровольно? — переспросила я. — Ты имеешь в виду под дулом пистолета репутации?

— Под угрозой потери всех активов, если ты начнешь судиться, — уточнил Валерий. Он подошел ближе. Его тень упала на мои руки, лежащие на столе. — Подпиши, Марин. По-семейному. Или завтра весь город узнает, что твой отец потерял деньги на бирже, а ты скрывала это от партнеров. Твоя репутация стоит дороже, чем пара миллионов, которые ты унесешь.

Ручку положили поверх устава, поперёк строки для подписи. Я узнала её по царапине на колпачке; ею же мы подписывали первый крупный контракт. Стоило поднять её, и все вздохнули бы с облегчением: неудобная часть совещания закончена. Я сдвинула ручку на пустой край стола.

— Без аудита я ничего не подпишу, — сказала я тихо. Пришлось говорить медленно: если бы поторопилась, сорвалась бы на крик. Я положила обе ладони на стол, чтобы Валерий не видел, как трясутся пальцы. — Ты нарушаешь корпоративные нормы. Я найму независимого аудитора.

Валерий вздохнул и взглянул на часы. Время на мою подпись он, видимо, отвёл меньше, чем я занимала.

— Как хочешь. Но дверь на выход заблокирована до конца совещания. Сиди и слушай.

Пришлось досидеть. Они обсуждали распределение моих обязанностей, и всякий раз, когда кто-нибудь говорил «это мы уточним у Марины», Валерий поправлял: «У консультанта». Потом пошутили про женскую логику. Я запоминала, кто смеялся. Уже без привычного желания объяснить самой себе, что у мужа просто тяжёлый день.

Когда совещание закончилось, я молча собрала свои вещи. Распечатки я оставила на столе переговорной: внутреннюю отчётность мне бы не дали вынести. А за личными вещами пошла в кабинет — за фотографией дочери и кружкой с трещиной, подаренной Алисой на день рождения.

Дверь кабинета оказалась незапертой. Я толкнула её и задержалась на пороге. Всё стояло на привычных местах: стеллаж, лампа, мой стол. Только кресло было повёрнуто к зеркалу.

Внутри сидела Юлия.

Юля докрашивала нижнюю губу и смотрела в зеркало, хотя прекрасно видела меня в отражении. В руке у неё была моя «Магнолия». Первую такую помаду я купила ещё в начале наших отношений с Валерием, почти на всю зарплату: очень хотелось выглядеть на переговорах женщиной, которую принимают всерьёз. Теперь чужая рука держала тюбик, взятый из моего ящика. Я смотрела именно на руку. На её беззастенчивые, аккуратные пальцы.

— Ой, Марина, — наконец заметила она, растянув улыбку. Губы были сочными, алыми, чужими. — Красивый цвет. Валера говорит, тебе идет только нейтральный. Мол, деловой стиль. А я считаю, что женщине нужно немного огня.

Она встала, поправила юбку и прошла мимо меня, даже не задев плечом. Сладкие духи остались в кабинете даже после её ухода. Я открыла окно, но от этого захотелось плакать ещё сильнее: раньше здесь никто не брал мои вещи без спроса.

Я схватила помаду со стола. Пластик был теплым от её рук. Я швырнула её обратно. Тюбик отскочил, и отломившийся кончик оставил на светлой столешнице алый мазок. Я завернула тюбик в салфетку и сунула в сумку. Юлия могла забрать кресло. Мои вещи — нет.

Я вышла, хлопнув дверью так, что стекло в раме затряслось.

Дорога домой заняла сорок минут. Пробки. Тишина в машине, где раньше играло радио или звонили клиенты. Телефон молчал. Ни одного сообщения от друзей, коллег, партнеров. Я открывала переписки и закрывала обратно. Позвонить первой — значит снова объяснять, что произошло, и слушать осторожное «мы перезвоним». Ни от кого я больше не хотела этого слышать.

Квартира встретила меня темнотой. Свет горел только в детской. Я толкнула дверь.

Алиса сидела на кровати, поджав ноги. В свои четырнадцать она уже умела молчать так же обидно, как Валерий. Она держала телефон в руке, экран погас.

— Мама, — сказала она. Не вопрос. Обвинение.

— Привет, солнышко. Я дома.

— Папа сказал, что ты ушла к другому мужчине. Что ты предала нас ради денег. Поэтому мы переезжаем. Эта квартира слишком большая для одной женщины.

Я так и осталась стоять у двери. Пока ехала, собиралась сначала поужинать с ней, потом объяснить всё понемногу. Валерий успел раньше, и теперь даже подойти к дочери было страшно.

— Алиса, послушай меня, — я села на край кровати, пытаюсь поймать её взгляд. Дочь отвернулась. — Это ложь. Папа забрал компанию. Нашу компанию. Ту, которую построил дедушка и которую я развивала пятнадцать лет. Он хочет оставить тебя без отца и без денег одновременно, чтобы контролировать через страх.

— Ты врешь! — крикнула она, вскакивая. Глаза блестели от слез, но злость была ярче боли. — Он показал переписку! Он сказал, что ты давно ненавидела его, что использовала его!

— Он манипулирует тобой! — голос сорвался на визг. Я закрыла рот рукой, боясь, что услышат соседи. Боясь показаться слабой перед дочерью, которая уже считала меня предательницей. — Алиса, пожалуйста...

— Уходи! — она указала на дверь. — Мне не нужны твои оправдания. Папа обеспечит меня лучше.

Я вышла в коридор. Закрыла дверь своей спальни. Внутри было пусто. Кровать убрана, шкаф полупуст. Валерий уже начал вывозить вещи. Мои платья, мои туфли, моя жизнь — упаковывались в коробки и увозились на другой адрес.

К вечеру Валерий вернулся за Алисой. Дочь успела надеть куртку, но, увидев Юлю в прихожей, сняла её и молча ушла ко мне в комнату. Я не торжествовала: это ещё не было доверием. Собрала оставшиеся вещи, нашла через посредника свободную двушку и оплатила первый месяц из своих сбережений. Алиса села в машину рядом со мной, не сказав ни слова.

Ночь была бессонной. Я лежала на голом матрасе в съёмной двушке на окраине города. Стены тонкие, слышно, как сосед сверху ругается с женой. Холодный кафель пола обжигал ступни, когда я ходила в туалет. В этом доме пахло сыростью и чужим табачным дымом. Я лежала и считала удары соседа по стене. В соседней комнате молчала Алиса. Нужно было вставать и проверять, укрылась ли она, но я не могла оторвать голову от подушки.

Я плакала в подушку. Не навзрыд, а беззвучно, кусая ткань, чтобы не закричать от боли и бессилия. Подушку приходилось переворачивать — ткань быстро становилась мокрой. Завтра предстояло найти деньги, работу, слова для Алисы. А я даже сейчас, когда Валерия не было рядом, мысленно оправдывалась перед ним. За то, что не подписала. За то, что ушла. Меня злило собственное бессилие, и от злости слёзы текли ещё сильнее.

Глава 2

Утро наступило серым, мутным рассветом. Свет пробивался сквозь жалюзи полосами, как клетки.

Телефон завибрировал на тумбочке. Экран вспыхнул. Пропущенные звонки. Много. Десять, двадцать, тридцать.

Я схватила аппарат, ожидая увидеть имя коллектора или угрозу от Валерия. Но номера были разные. Знакомые цифры крупных конкурентов. Те самые люди, которые вчера не брали трубку. Те, кого я считала врагами системы.

Один номер был незнаком и не подписан в моей телефонной книге.

Я ответила. Голос был хриплым, сонным.

— Аллю?

— Марина Стрежнева? — мужской баритон. Низкий, спокойный, властный. Голос человека, который привык получать то, что хочет, просто спрашивая.

— Да. Кто это?

— Максим Градов.

Я выпрямилась, забыв про одеяло. Инвестор. Мой прямой конкурент. Человек, который полгода назад пытался купить нашу сеть складов, и которому я отказала, назвав его условия грабительскими.

— Вы ошиблись номером, господин Градов. Я не продаю информацию о бывшем муже журналистам.

Тишина на другом конце длилась две секунды. Потом короткий смешок. Не веселый. Циничный.

— Мне не нужна информация, Марина. Мне нужен товарный контур. Склад №4 простаивает, потому что ключевые поставщики после твоего увольнения приостановили отгрузки. Валерий думает, что изолировал тебя. Он ошибается. Он выставил тебя на рынок, где есть хищники покрупнее него.

Я села на постели, натягивая одеяло до подбородка. Руки дрожали, но не от холода.

— Зачем вам это?

— Чтобы забрать его главный тендер. Ему нужны деньги на демпинг. Мне нужна маржа. Тебе нужна месть. Три элемента одной формулы.

— Я не могу работать с конкурентами.

— Ты можешь. Ты единственная, кто знает, как работает эта машина изнутри. Я дам тебе склад, финансирование и защиту. Ты приведешь людей. Мы вместе сломаем его.

— Почему вы звоните мне сейчас? Когда я на нуле?

Градов помолчал. Слышалось потрескивание линии, шум города на фоне.

— Потому что я никогда не блефую, Марина. И я знаю цену ресурсам. Сейчас ты — недооцененный актив. А я люблю покупать дешево, чтобы продавать дорого. Но в этом случае я хочу продать не актив. Я хочу продать победу.

«Недооценённый актив». Он торговался ещё до встречи, я понимала это. Но он собирался заплатить за то, что я умею. После вчерашнего унижения было трудно не ухватиться за эту мысль.

— Я не могу гарантировать результат, — прошептала я.

— Результат будет. Вопрос только в том, кто напишет финальную точку в его биографии. Ты или я.

— Встретимся через час. Пришлю адрес, — сказал он.

— Ты знаешь, где я живу? — спросила я, чувствуя странное тепло там, где только что был ледяной ужас.

— Я знаю всё, что касается тебя с момента, как ты вышла из того кабинета, — ответил Градов. Он понизил голос, и мне пришлось прижать телефон к уху. Откуда он знал мой адрес? Спросить хотелось сразу, но ещё больше — услышать условия. Я крепче сжала аппарат. — Встречаемся через час. Не опаздывай. Я не люблю ждать.

Связь оборвалась.

Я смотрела на экран телефона. В тёмном экране отражались красные глаза и прилипшие ко лбу волосы. Я отложила телефон. Хоть умоюсь, прежде чем читать присланный договор.

«Прислуга», — вспомнила я слово Валерия.

Он думал, что сбросил меня за борт. Что я буду тонуть в одиночестве, хватаясь за пустоту.

Пятнадцать лет его бизнес держался на людях, с которыми работала я. Мне предстояло узнать, остался ли среди них хоть кто-нибудь, кто пойдёт за мной. Без кабинета, доли и фамилии мужа на вывеске.

Спустив ноги с матраса, я нащупала туфли. Кафель был слишком холодным; стоять босиком и дальше жалеть себя не хотелось.

В ванной сначала пришлось дожидаться тёплой воды. Я умылась, разгладила волосы и посмотрела в зеркало. Глаза ещё были опухшими, но я уже могла смотреть себе в лицо. Сегодня я сама позвоню людям. По своим делам, а не по распоряжению Валерия.

Я достала из сумки старую визитку, найденную в кармане пальто. На ней был номер склада №4. Мой старый код доступа.

Валерий думал, что оставил меня нищей.

А я впервые могла выбрать, с кем работать, не спрашивая у него разрешения.

Считать расходы предстояло самой, как и договариваться о каждой встрече. Условия Градова я хотела выслушать, но не собиралась снова продавать право решать за обещание защиты.

Я надела единственный чистый джинсовый костюм, который удалось спасти из коробки. Расчесала волосы. Нанесла на губы остатки той самой «Магнолии», которую Юля размазала по столу. Помада легла неровно. Я стёрла край салфеткой и нанесла ещё немного, упрямо доводя линию губ до привычной. Юля пользовалась ею несколько минут. Из-за этого отказываться от своего цвета я не собиралась.

Но до встречи я не дошла. Градов прислал проект договора: операционное управление мне, последнее слово во всём — ему. Я позвонила и отказалась. «Когда решишь говорить о партнёрстве, а не о покупке, набери снова». Он не стал уговаривать. Я ещё не знала, сколько стоит месяц без его помощи.

За месяц после того совещания я успела перебрать почти все номера из рабочей телефонной книги. Игоря Соловьева оставляла напоследок. С нашим главным поставщиком упаковки мы пятнадцать лет созванивались то насчёт цен, то насчёт сорванных сроков; после квартальных отчётов даже пили виски. Он знал, кто вытаскивает компанию, если что-нибудь случается. Набрав его номер, я переложила нагретый телефон в другую руку. Хоть бы он не спросил сразу, зачем я звоню.

Игорь долго не отвечал. Я приготовилась оставить сообщение и никак не могла придумать, как уложить просьбу о работе в две-три фразы.

— Алло? — голос Игоря был бодрым, почти веселым. Он не знал, кто звонит. Или знал?

— Игорь, это Марина. Стрежнева. Слушай, мне нужно срочно...

Он замолчал на моём имени. Я подвинулась ближе к столу и тоже замолчала: торопить сейчас означало напрашиваться на отказ.

— Марин... — начал он, но его тон изменился мгновенно, словно кто-то переключил тумблер. Он прежде говорил «Марин, выручай», а теперь каждое слово выговаривал осторожно, как с незнакомым человеком. — Ты чего звонишь? Тебе же всё сказали. На совете директоров. Валерий предупредил всех наших партнеров. Ты для нас теперь никто. Не звони больше. Ни мне, ни остальным. Мы боимся лишнего вопроса.

Щелчок. Отбой.

На экране появилось «Вызов завершён». Я ещё подержала телефон у уха: вдруг он перезвонит? Я набрала начало сообщения — «Игорь, мне нужна всего лишь...» — и стёрла. Он сказал: «Ни мне, ни остальным». Значит, они уже обсуждали между собой, как отвечать. Валерий контролировал шестьдесят процентов рынка в регионе, и страх потерять его заказы оказался сильнее пятнадцати лет нормальной работы со мной. Просить Игоря принять мою сторону я могла до вечера. Но он даже дослушать меня побоялся.

Деньги заканчивались быстрее, чем силы. Коммуналка за эту проклятую двушку на окраине, которую мы сняли через посредника, потому что владельцы других квартир отказывали мне, услышав фамилию, требовала оплаты до двадцатого числа. У меня было три тысячи рублей наличкой и пустой холодильник.

Я достала из шкафа свою сумку Hermes. Купленную Валерой на годовщину десятилетия брака. Я долго проверяла карманы, прежде чем положить её в пакет. Продать подарок оказалось труднее, чем я думала: рука помнила эту застёжку, этот вес на плече. А деньги на еду заканчивались. Рядом лежали мои часы Omega. Я собрала их в пакет и пошла в ломбард на первом этаже соседнего дома. Запах там стоял специфический: старая бумага, дешёвый кофе и металл.

Оценщик, мужчина с жирными пальцами и мутными глазами, повертел сумку, посмотрел на швы, потом на часы.

— М-да, — протянул он, не поднимая головы. — Ширпотреб. Видели мы такие. Имитация, конечно, качественная, но бренд сейчас не в цене. После того скандала в сети... ну, вы понимаете. Все эти ваши «Стрежневые» уже никого не впечатляют. Даю пятьдесят тысяч за комплект. Заберете обратно через месяц, если заплатите проценты.

Пятьдесят тысяч. За то, что стоило полтора миллиона.

Оценщик уже отодвинул часы к себе, хотя я ещё не согласилась. Я придвинула их обратно. Пятьдесят тысяч хватит ненадолго; он же заработает на моей спешке гораздо больше. От необходимости сказать «нет» стало сушить во рту.

— Нет, — сказала я тихо.

Он поднял брови и перестал крутить крышку ручки.

— Что? Девушка, лучше вам не найдут. Это подарок судьбы.

— Я забираю вещи.

— Ну, как хотите. Только время мое потратили.

Я схватила пакет с сумкой и часами, прижала к груди, как щит, и вышла на улицу. Во дворе я остановилась, чтобы закрыть пакет: ручки разошлись, и часы чуть не выпали. Отнести вещи другому покупателю будет труднее, чем согласиться здесь. Зато я хотя бы узнаю настоящую цену. В последние недели все вокруг пытались убедить меня, что от меня и моего имущества толку уже нет. Подыгрывать им ещё и в ломбарде я не собиралась.

Глава 3

К вечеру живот заболел от голода. Я с утра так и не поела, всё прикидывала, сколько ещё могу потратить. Алиса сидела на кухне, уставившись в пустую тарелку. Она подвинула тарелку к середине стола, как только я вошла. Даже не спросила, что я принесла. По этому движению я поняла: новый разговор с отцом состоялся, и мне сейчас придётся его выслушать.

— Папа сказал, ты сама всё разрушила, — произнесла она ровным, детским голосом, который резал сильнее крика. — Что ты предала семью ради амбиций. Что мы теперь будем есть?

— Это временно, Лиска, — я попыталась улыбнуться, но губы дрожали. — Я найду работу. Завтра или послезавтра.

— Работа? — она фыркнула. — Ты никому не нужна. Никто не возьмет жену врага корпорации. Папа прав. Ты слабая.

«Слабая». Она произнесла это почти его голосом. Валерий годами доказывал мне, что без него я ничего не смогу, а теперь нашёл человека, которому я не могла ответить так же жёстко, как ему. Я смотрела на Алисину тарелку и старалась не заплакать перед ней.

Я открыла шкафчик, надеясь найти хотя бы сухарь или чайную заварку. В шкафчике не было даже сухаря. В холодильнике оставался только просроченный кефир. Я закрыла дверцу: три тысячи ещё были со мной. Куплю крупу и яйца — голодать дочери я не позволю.

Алиса встала, толкнула стул, который закрипел по линолеуму, и ушла в свою комнату. Дверь хлопнула так, что с полки упала кружка. Я осталась одна на кухне, слушая тишину квартиры. Потом сходила в магазин и сварила кашу. Поставила миску у Алисиной двери. Через минуту дверь приоткрылась; дочь забрала еду, так и не посмотрев на меня. До утра мы хотя бы не будем голодными.

На следующий день я решила на встречу с Катей. Единственным человеком, которого я считала подругой еще до свадьбы. Мы договорились встретиться в нейтральном месте, в кофейне на другом конце города, подальше от наших общих знакомых.

Катя пришла первой. Она сидела за угловым столиком, далеко от входа, натянув капюшон свитера на голову. Когда я подошла, она вздрогнула, но не встала навстречу. Не обняла. Просто указала взглядом на стул напротив.

До Кати можно было дотянуться через стол. Раньше мы начинали встречу с объятий, даже когда виделись вчера. Сегодня она придержала свою сумку на соседнем стуле, и я села напротив.

— Привет, — сказала я, садясь.

Катя молча кивнула. Перед ней стояла недопитая вода. Мой заказанный эспрессо остывал рядом.

— Ты знаешь, почему я согласилась прийти? — спросила она, не глядя на меня. Она сказала это вполголоса, проверяя, не подошёл ли официант.

— Потому что мы дружим?

Катя усмехнулась, горько и коротко.

— Потому что я должна была убедиться, что ты жива. Но, Марина, послушай... Мне прилетело от руководства вчера. Прямо в кабинет. HR-директор сказал, что если я буду поддерживать контакты с тобой, они потеряют тендер на поставку оборудования для завода Валеры. Понимаешь? Твой бывший муж контролирует не только рынок. Он контролирует карьеры людей.

— То есть ты не можешь мне помочь? — уточнила я, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Я не могу даже сесть с тобой за один стол слишком долго. Если увидят...

Она быстро полезла в сумку. Вынула белый конверт, сунула его мне под руку.

— Здесь немного. От меня лично. Не от компании. Возьми. И уходи. Пожалуйста. Пока нас не заметили.

В конверте была тысяча рублей. Я хотела отдать её обратно: когда-то мы с Катей за такую сумму даже счёт в ресторане не делили. Но Катя следила за моими руками так испуганно, что я поняла — ей тоже стоило чего-то прийти сюда. Сложила конверт и убрала в сумку. На два дня еды хватит.

— Спасибо, — прошептала я.

Катя уже вставала, натягивая шарф. Она не попрощалась. Просто отвернулась и быстрым шагом пошла к выходу, сливаясь с потоком прохожих. Я ещё посидела над остывшим кофе. Позвать её по имени или пойти следом означало заставить её снова выбирать между мной и работой. Мне ужасно хотелось хотя бы нормально попрощаться. Но она уже вышла.

Конверт от Кати закончился через два дня на еду. Голод снова возвращался. Я решила пойти ва-банк. Анонимность. Курьерская доставка или оператор колл-центра. Там не спрашивают биографию, только навыки и скорость. Главное — не называть фамилию.

Я записалась на собеседование в крупную сеть доставки. Офис был стерильным, пах дезинфекцией и кондиционером. Рекрутер, молодая девушка с идеальной причёской и безразличными глазами, попросила резюме.

Я подала лист бумаги, где были указаны только опыт вождения, знание города и отсутствие судимостей. Фамилия была изменена на вымышленную, имя оставлено.

Рекрутер пробежала глазами по тексту, потом подняла глаза.

— Опыт интересный. Но давайте проверим вас по базе. Стандартная процедура.

Она попросила паспорт. Положив его перед ней, я сразу поняла, насколько глупым было вымышленное резюме. Девушка начала набирать данные, а я смотрела на оставшийся на столе документ. Дома мне казалось, что новое резюме даст хотя бы пять минут разговора о моих навыках. Здесь это выглядело детской уловкой. Внезапно она замерла. Пальцы зависли над кнопками. Лицо побледнело.

Она отодвинулась от монитора и посмотрела на меня. Договаривать про водительский стаж стало бессмысленно: до фамилии она уже дошла.

— Вы... та самая Стрежнева? — спросила она еле слышно.

— Нет, я... — начала я, но голос предательски дрогнул.

— Нам сказали, что вас нет в системе. Вас нет нигде, — она захлопнула папку перед собой, будто там была заразная болезнь. — Проходите мимо. Следующий кандидат!

— Подождите, я могу работать курьером, я знаю все районы...

— Уберите свои документы! — повысила она голос, привлекая внимание других соискателей. — Вас нет в базе разрешённых сотрудников. Чёрный список. Всё, свободны.

Из кабинета меня вывели раньше, чем я собрала бумаги. В холле пришлось сложить паспорт и резюме прямо на подоконнике. Другие соискатели смотрели, но никто не заговаривал. Вымышленная фамилия осталась на листке, который я теперь могла выбросить: за рулём я умею работать и с настоящей, только именно её здесь не хотели видеть.

Вечером я вернулась домой с пустыми руками и полной головой. Алиса сидела в гостиной, держа в руках телефон. Она плакала. Тихо, беззвучно, слезы стекали по щекам.

— Позвони папе, — потребовала она, увидев меня.

— Алиса, ты можешь ему звонить. Но не верь каждому слову обо мне только потому, что его произносит папа.

— Я хочу поговорить с ним! Он скажет, что делать! Ты не можешь нас кормить! Ты не можешь решить проблемы!

Она вскочила, лицо было красным от натуги.

— Ты лишила меня нормального мира! Ты эгоистка!

— Алиса! — я шагнула к ней, пытаясь перехватить телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.